

На чистом листе проступил иероглиф - уверенный, мощный, словно в нём заключалась тяжесть в тысячу цзиней, будто сама сила кисти могла пробить бумагу насквозь.

— Какая мощь, словно извивающийся дракон! Великолепный почерк!

Ту Хай развернул лист с иероглифом «□», поднял его и принялся внимательно разглядывать, смакуя направление и ритм каждого штриха. Чем дольше смотрел, тем сильнее убеждался: слово написано по-настоящему хорошо.

— А у тебя, выходит, есть настоящие умения, — с усмешкой заметил он. — Не зря осмелился проверить Восьмого господина. Как тебя зовут?

В его словах не было лести, лишь спокойное наблюдение за реакцией собеседника. Ту Хай прекрасно понимал, о чём тот думал: хотел нащупать его пределы, посмотреть, где проходит грань терпения. Он не принял это близко к сердцу, ничего оскорбительного в этом не было, к тому же этот почерк ему действительно пришёлся по душе. Считая себя человеком, ценящим талант, и из уважения к этой хорошей руке, он не стал ничего припоминать или взыскивать.

Шэнь Хуэй, уловив тонкие перемены в его поведении и убедившись, что тот не держит зла, спокойно ответил:

— Шэнь Хуэй.

— Хорошее имя, — обронил Ту Хай между делом, сам толком не задумываясь, в чём именно его достоинство.

Все его мысли были прикованы к листу бумаги. Он ещё немного посмотрел на иероглиф, а затем снова поднял глаза:

— Почему ты написал именно этот знак?

В подобных обстоятельствах выбранное слово редко бывает случайным и почти всегда несёт особый смысл. Ту Хай не уловил особого смысла в иероглифе «Хуан» и потому прямо спросил. Значений у этого знака было немало: вернуться домой, вернуть, восстановить, отплатить, воздать... даже отомстить.

Но для Шэнь Хуэя у него было ещё одно, личное значение.

Старший брат. Шэнь Хуан.

Шэнь Хуэй опустил взгляд и глухо произнёс:

— Это имя моего покойного старшего брата. Он много учил меня письму. Когда беру кисть, невольно вспоминаю его.

Ту Хай понял всё без дальнейших расспросов и больше ничего не уточнял. В душе же ему стало немного жаль. Жль, что он никогда не увидит почерк человека, способного писать ещё лучше.

.....

Обед в ресторане «Юнься» обошёлся Лин Сину в целый лян серебра. Ту Хай не был особо привязан к еде, возможно, потому что за свою жизнь перепробовал слишком многое. Блюда «Юнься» не дотягивали до того уровня, который мог бы по-настоящему его заинтересовать.

Городок был маленький, редких и по-настоящему выдающихся вкусов здесь не водилось. Если сравнивать с тем, что Лин Син ел в прошлой жизни, кухня ресторана «Юнься» и впрямь выглядела весьма посредственно. Но это ничуть не мешало заведению держать высокие цены. Один лян серебра - чтобы заработать такую сумму, ему пришлось бы вставать ни свет ни заря и продавать баоцзы больше десяти дней подряд.

Перед уходом Ту Хай дал Лин Сину твёрдое обещание: вернувшись, он сразу же распорядится, чтобы его люди начали поиски. Лин Син подробно описал внешность Лин Юэ. Ту Хай записал всё, что услышал, а затем вместе со своими подчинёнными покинул ресторан.

Блюда на столе почти не были тронуты. Лин Син стеснялся есть - как бы ни тянуло его это тело к вкусной пище, за столом он вынужден был сдерживаться, чтобы не выглядеть жадным. В итоге всю еду забрал с собой Сюй-ци. Он и так помогал с приглашением, а потому не обращал внимания на то, что блюда уже подавались. Лин Син без колебаний отдал всё ему.

Хотя готовить лянфэн он больше не мог, Лин Син не собирался мириться с потерей дохода. Он решил добавить к прилавку с баоцзы ещё один товар - фагао, паровой бисквит.

Для фагао нужен сахар, но не в большом количестве: достаточно добавить немного, чтобы чувствовалась лёгкая сладость. Белый сахар стоил дорого - шестнадцать вэней за лян, то есть сто шестьдесят вэней за цзинь. Коричневый сахар был дешевле: на шесть вэней меньше за лян - всего десять.

Цена мёда меняется в зависимости от сезона и вида цветочного нектара. Весной, летом и осенью самый дешёвый мёд стоит восемь вэней за лян - на два вэня дешевле, чем коричневый сахар. Зимой же даже самый простой мёд стоит столько же, сколько и белый сахар. Зажиточные семьи любят мёд куда больше, чем коричневый сахар, и в любое время года он расходуется без труда. Что же до дорогих сортов мёда, то за них просят и по целому лянсу серебра. Такие цены Лин Син даже не рассматривал.

Использовать для фагао солодовый сироп не годилось, сладости в нём недостаточно. Нужен был либо сахар, либо мёд. На улице Танфэн как раз имелась большая сахарная лавка, где

продавались все возможные виды сахара. А в самом конце улицы располагалась единственная в Юньсяне сахарная мастерская. Оттого эта улица и называлась Танфэн (Сахарной).

Выйдя из ресторана, Лин Син отправился в лавку за сахаром. Поколебавшись между коричневым и белым, он купил два ляна белого сахара. Фагао с коричневым сахаром тоже выходят вкусными, но сахара туда требуется слишком много: на фагао одного и того же размера коричневого сахара нужно целых два ляна, тогда как белого - всего треть от этого количества. Если считать себестоимость, то при приготовлении фагао белый сахар выходит даже выгоднее коричневого.

Купив сахар, Лин Син зашёл ещё и в лавку с бакалеей и взял три ляна сушёных красных фиников. Белый сахар и финики обошлись ему в сорок два вэня.

Домой он вернулся уже после полудня. Землю на полях почти полностью перекопали, и сегодня все в семье Шэнь были дома. Шэнь Чэншань с Шэнь Гуем возились в огороде во дворе, переворачивая грядки; Цао Маньюэ вместе с детьми наводила порядок в доме; Сюй Юфан сидела за вышивкой.

Лин Син первым делом поставил опару для теста, которое понадобится завтра, а затем принялся за замес для фагао. Для начала он решил сделать небольшую порцию - просто попробовать, и отмерил полляна белого сахара.

Тесто для фагао готовилось несложно: по сути, почти так же, как обычное. Разница была лишь в конечной консистенции - оно должно получиться более влажным, тягучим и густым. Прикинув, что нужное состояние достигнуто, Лин Син накрыл миску бамбуковой крышкой и оставил тесто подходить. Освободившееся время он решил потратить на мытьё пароварки.

Подойдя к колодцу с охапкой паровых решёток, он заметил, что деревянный таз уже наполнен водой. Он поначалу решил, что кто-то из домашних набрал воду для своих дел, и уже хотел обернуться, чтобы спросить. В этот момент как раз подошёл Шэнь Гуй, весь взмокший от пота.

— Старшая невестка, пользуйся, — сказал он. — Это второй брат тебе воды набрал. Кстати, отец велел спросить: есть ли у тебя какие-нибудь пожелания по овощам? Может, стоит ещё земли перекопать и что-нибудь посадить.

Лин Син понял, что воду принёс Шэнь Хуэй, поэтому молча присел и занялся мытьём пароварки. Одновременно он спросил Шэнь Гуя:

— А что у нас обычно сажают?

— По сезону, — начал перечислять тот, — лук, имбирь, чеснок, пекинскую капусту, водяной шпинат, кочанную капусту, люффу, тыкву-горлянку, обычную тыкву - вот это всё.

Лин Син перебрал в памяти воспоминания прежнего хозяина тела. В прежние времена государство торговало с западными землями и странами за морем, откуда привозили немало семян. Династия Юй существовала ещё не так давно, внутри страны сохранялась нестабильность, поэтому торговлю временно свернули. Но в целом овощи и фрукты, знакомые ему по прошлой жизни, здесь почти все имелись, просто стоили по-разному.

Те культуры, о которых говорил Шэнь Гуй, относились к самым дешёвым по семенам. А Лин Сину хотелось помидоров и огурцов. Летом, если делать холодную лапшу или лянфэн, соломка из огурца была бы как раз кстати. А помидоры... Нарезать ломтиками, посыпать белым сахаром, и получится освежающее кисло-сладкое лакомство. В прошлой жизни, ещё в детстве, он больше всего любил допивать сок, остававшийся на дне тарелки, сладкий, вкусный, до последней капли. Дед знал об этом и каждый раз специально оставлял ему немного.

Вспомнив прошлое, Лин Син на мгновение погрузился, но тут же глубоко вдохнул и быстро взял себя в руки.

— Помидоры и огурцы, — ответил он.

Шэнь Гуй широко улыбнулся:

— Мама тоже говорила, что в этом году стоит посадить. И ещё баклажаны хотят. В этом году у нас дома уж точно с овощами беды не будет.

Семена этих культур стоили дорого. При прежних условиях их семьи даже лишняя одна медная монета казалась непозволительной роскошью, о покупке таких семян тогда и речи быть не могло.

Лин Син не боялся, что овощей окажется слишком много. За это время, торгуя в городке, он уже немного разобрался в местных делах.

— Если будет излишек, можно отвезти в город и продать, — сказал он. — В городе всё покупают. Овощи и фрукты - такого там либо не хватает, либо разбирают сразу. Не продать их просто невозможно.

Услышав, что на этом можно заработать, Шэнь Гуй сразу оживился. Он ещё совсем недавно ломал голову, как бы скопить денег, а теперь, после этого разговора, словно что-то щёлкнуло в голове. Он начал прикидывать: если распахать побольше земли, занять у родителей немного денег, а потом возить урожай в город...

Это ведь куда лучше, чем бегать в поисках случайной подённой работы.

Шэнь Гуй, не в силах сдержать нетерпение, тут же убежал искать Шэнь Чэншаня, чтобы обсудить, как в этом году распахать больше земли. Во дворе места точно не хватит, придётся

осваивать участок у подножия горы. Земля за двором просторная, но хлопот там немало: нужно остерегаться диких зверей, змей и насекомых. Работа это тяжёлая и совсем не лёгкая. Но, глядя на то, что четвёртый сын наконец-то стал походить на отца семейства - начал думать, как зарабатывать и кормить дом, а не таскаться за женой и детьми, выпрашивая ласку, еду и внимание, Шэнь Чэншань был искренне рад. Он широко махнул рукой и сразу сказал, что поможет с распашкой.

Шэнь Гуй от радости так и сиял, улыбка не сходила с его лица.

.....

Первая ферментация теста для фагао подошла к концу. Лин Син вымыл несколько сушёных красных фиников и срезал с них крупные боковые части мякоти, отложив их про запас. Мякоть по обе стороны от косточек он нарезал мелкими кубиками и вмешал в тесто. Перемешав всё как следует, он поставил массу на вторичную расстойку.

На этот раз времени понадобилось значительно меньше, чем в первый. Когда тесто снова подошло, Лин Син аккуратно выложил сверху те самые крупные кусочки финиковой мякоти, которые отложил заранее. Шэнь Лая он уговорил разжечь огонь, пообещав, что самый первый кусок фагао будет именно его.

Большую глиняную миску прямо поставили на бамбуковую решётку, накрыли котёл крышкой и начали готовить на пару. Прошло немного времени, и фагао был готов. Его сладкий аромат поднимался вместе с паром и расползался по всей кухне.

У Шэнь Лая нюх был самый чуткий. Он шумно втянул воздух носом, уставившись на котёл, не отрывая взгляда.

— Старшая невестка, как же вкусно пахнет!

Лин Син тоже почувствовал аромат и остался доволен. Он приподнял крышку совсем немного, чтобы посмотреть на состояние фагао. Тот уже заметно поднялся, вспух выше краёв миски - подошёл просто отлично.

— Сяо У, можешь понемногу убавлять огонь.

— Хорошо!

Шэнь Лай постепенно уменьшал пламя, и когда в очаге огонь окончательно погас, Лин Син не стал сразу открывать котёл, а дал выпечке ещё немного «дойти». Наконец крышку сняли. Шэнь Лай вытянул шею и заглянул внутрь. Стоило ему чуть податься вперёд, как в нос ударил аромат фиников, смешанный с мягкой сладостью теста.

Шэнь Лай причмокнул губами, так хотелось попробовать. Фагао получился белым, пышным, словно надутым, его верх выпирал за края миски. Сверху аккуратно лежали кусочки фиников - красно-белый узор выглядел так аппетитно, что рука сама тянулась выковырять финик и съесть. У Шэнь Лая даже зачесались пальцы, до того хотелось ободрать все финики сверху. Но он лишь подумал об этом, так и не решившись протянуть руку.

Лин Син всегда держал слово. Когда фагао немного остыл, он вынул его из формы и первым делом отрезал кусок для Шэнь Лая. В разрезе выпечка оказалась пористой, с красивой «сотовой» структурой, источая ещё более насыщенный сладкий аромат.

Шэнь Лай не стал тянуть - сразу выковырял с поверхности своего куска красный финик. Пропаренная на сильном огне мякоть стала особенно нежной и сладкой. Он откусил мягкий фагао: лёгкая сладость теста переплеталась с финиковым вкусом, создавая богатый, приятный букет.

— Всё, что готовит старшая невестка, такое вкусное! — с надутыми щеками воскликнул Шэнь Лай, сияя от восторга.

Лин Син улыбнулся, велел ему есть помедленнее и отрезал кусочки Сяочунь и Сяося. Оставшийся фагао он, пока тот ещё был тёплым, аккуратно разрезал и разнёс всем в семье Шэнь, чтобы каждый попробовал. Немного он отложил отдельно для Се Цинья.

Свежеприготовленный фагао явно пришёлся всем по вкусу. Люди, которые редко могли позволить себе сладкое, просто не могли устоять. Он был мягкий, ощутимо сладкий, но совсем не приторный.

Цао Маньюэ никогда прежде не ела ничего подобного. Она даже не решалась сразу проглотить кусочек, всё повторяя, что этот фагао вкуснее любой выпечки из магазина. Хотя на самом деле она и не пробовала магазинных сладостей, это ничуть не мешало ей считать фагао восхитительно вкусным. Он был и сытный, и вкусный, придраться было просто не к чему.

Всё хорошее она по привычке старалась оставить детям и Шэнь Гую. Увидев, как жена кормит его, Шэнь Гуй тут же раскрыл рот, принимая угощение, совершенно не смущаясь тем, что Лин Син стоит рядом и всё видит.

Лин Син смущённо почесал затылок и поспешно отвернулся, уходя.

Шэнь Хуэю он отнёс полтора куска: половину своего он отдал ему. Ему самому было достаточно попробовать лишь немного, просто чтобы понять вкус.

— Эрлан, ешь быстрее. Ты ведь днём почти ничего не ел.

В обед почти никто толком не поел, но Лин Син тратил куда меньше сил, чем Шэнь Хуэй, так

что для него эта половинка не имела большого значения. А вот Шэнь Хуэй таскал на себе муку и прочие тяжести - расход сил был огромный. Пусть даже лишняя половина фагао и не решала проблему, Лин Син всё равно хотел отдать её ему. Хотел, чтобы тот съел хоть немного больше.

Шэнь Хуэй смотрел на фагао в своей руке. Его взгляд на мгновение скользнул по Лин Сину и тут же ушел в сторону.

— Старшая невестка, мне достаточно есть столько же, сколько всем в семье.

Лин Син торопился отнести фагао Се Цинъя. Пользуясь тем, что Шэнь Хуэй был занят работой в огороде и не следил за ним, он на ходу беспечно ответил:

— Так ты и ешь столько же.

С этими словами он взял керамическую миску и направился к дому Се Цинъя. Шэнь Хуэй остался стоять на месте. Он смотрел на половинку фагао, которая оказалась лишней только у него одного, и взгляд его становился всё темнее и глубже.

В конце концов он всё же поднял руку, отправил эту половинку в рот и стал медленно, размеренно жевать.

...

Се Цинъя ел фагао, прикрыв глаза и смакуя сладкий аромат.

— Лин... нет, погоди. Давай я буду звать тебя Син-гер, так ближе. Син-гер, у тебя и правда золотые руки. И идей сколько! Всё, что ты готовишь, я раньше и не пробовал.

Услышав такую похвалу, Лин Син искренне обрадовался.

— Если нравится, ешь побольше.

Вспомнив, что Се Цинъя только что заговорил о формах обращения, он спросил:

— Тогда мне тебя звать Я-гер?

Се Цинъя, сдерживая улыбку, замахал руками:

— Нет-нет. У нас в роду у всех геров в имени есть иероглиф «Я». Если ты будешь звать меня Я-гер, у меня в голове сразу все братья толпой встают. Зови меня лучше Цин-гер.

— Хорошо, Цин-гер, — повторил Лин Син и добавил: — Раз тебе нравится, я буду каждый день оставлять немного и для тебя, и для твоего мужа.

Се Цинья сказал:

— Ты что, собираешься ещё и это продавать? Ты вообще успеешь со всем справиться?

И баоцзы с маньтоу, и лянфэн, а теперь ещё и фагао - он и правда переживал, что Лин Син и Шэнь Хуэй просто свалятся от усталости.

— Лянфэн я больше не продаю, — ответил Лин Син. — Если будем делать для дома, я отдельно буду оставлять тебе.

— Не продаёшь? — Се Цинья нахмурился. — Что-то случилось?

Видя, что тот неправильно понял и начал тревожиться, Лин Син поспешно всё объяснил. Услышав, что рецепт отдали ради поисков младшего брата, а не потому что кто-то вынудил или прижал, Се Цинья наконец выдохнул с облегчением.

— Напугал ты меня...

Подумав немного, он снова спросил:

— А как выглядит твой брат? Есть какие-нибудь приметы? Ци-лан у меня в хороших отношениях с хозяином книжной лавки - можно попросить присмотреться и в Юэване, и в уезде.

— Это было бы просто замечательно! Спасибо тебе, Цин-гер!

Лин Син не смог сдержать волнения. Он и сам до конца не знал, продали ли Лин Юэ в городе Юнься или увезли в Юэвань. Если даже в Юэване найдётся кто-то, кто будет приглядываться и расспрашивать, пусть шанс и мал, но это всё равно шанс.

Се Цинья нарочито нахмурился:

— Ну и ты даёшь... О таком деле и ни словом мне не обмолвился. Сказал бы раньше, мы бы раньше и людей подключили.

— В следующий раз обязательно скажу, — серьёзно и искренне ответил Лин Син.

С таким тоном злиться на него даже притворно у Се Цинья больше не получалось.

— Ладно, ладно, на этот раз прощаю. К тому же завтра я как раз иду в книжную лавку, всё удачно совпало.

Говоря это, он потянул Лин Сина в дом:

— Ци-лан умеет рисовать. Пойдѐшь, опишешь ему своего брата, пусть сделает портрет. С изображением искать куда удобнее.

Это был первый раз, когда Лин Син вошёл в дом Се Цинъя. Книги стояли вдоль стен, лежали на полу - от их количества у него даже зарябило в глазах. В эпоху Даюй книги были дорогой редкостью; таким собранием не могли владеть простые деревенские жители. И Лин Син не слышал, чтобы Ван Цзюнь собирался сдавать государственные экзамены - он не был учёным, и всё же книг у него было невероятно много.

Мелькнувшее любопытство он тут же подавил. Се Цинъя привёл его сюда из доверия, а не затем, чтобы он копался в чужом прошлом и семейных тайнах.

Пока Лин Син стоял, ошеломлённый множеством книг, Се Цинъя уже объяснил Ван Цзюню, в чём дело. Услышав просьбу от своего супруга, Ван Цзюнь сразу же кивнул и без лишних слов согласился. Он достал чистый лист бумаги и попросил Лин Сина описать внешность брата. Опираясь на воспоминания, Лин Син подробно рассказал, как выглядит Лин Юэ.

Ван Цзюнь и впрямь умел рисовать и делал это превосходно. На бумаге появился облик ребёнка, на восемь десятых совпадавший с тем, что хранился в памяти Лин Сина. Если бы добавить тени и объём, портрет стал бы почти живым.

Получив подтверждение, что сходство достаточное, Се Цинъя сказал, что завтра отнесёт рисунок в книжную лавку и покажет хозяину.

Тогда Лин Син спросил:

— Можно нарисовать ещё несколько? Я хотел бы передать их господину Ту.

Без разрешения властей простым людям запрещалось в большом количестве рисовать портреты или вывешивать объявления. За такое могли арестовать, высечь палками, а в тяжѐлых случаях даже посадить в тюрьму. Этот запрет существовал для того, чтобы никто не мог с помощью изображений и листовок подстрекать народ и нарушать порядок. Но если всего несколько рисунков и не вывешивать их на людях, то это уже не считалось нарушением.

Ван Цзюнь кивнул и сразу согласился. Он быстро перерисовал первый портрет ещё пять раз. Три листа он отдал Лин Сину, а два оставил у себя, чтобы передать хозяину книжной лавки. Тот должен был отослать их в лавки уезда Юэвань и в сам уездный город. Искать человека по изображению всё-таки куда нагляднее, чем по одному лишь словесному описанию.

Вернувшись домой, Лин Син первым делом аккуратно убрал портреты - завтра их нужно было отнести господину Ту.

На ужин снова была фасолевая каша. В семье по-прежнему чередовали лишь её да жидкую мучную болтушку. Лин Син уже подумывал, что в следующем месяце во что бы то ни стало нужно купить что-нибудь ещё из съестного. Три раза в день одно и то же - фасоль да мука по кругу. Ему казалось, что он сам уже скоро станет фасолевой кашей с мучной похлёбкой.

После ужина, когда люди в доме почти разошлись по своим делам, Сюй Юфан поманила Лин Сина к себе. Когда он подошёл, она тихо спросила:

— Син-гер, завтра после полудня я буду греть воду, чтобы вымыть младших. Ты будешь мыться?

Лин Син не сразу понял, о чём речь, а когда понял, немного смутился.

— Буду, — ответил он.

Здесь мыться было делом хлопотным: воду приходилось специально греть и потом по многу раз носить в деревянную купель. В зажиточных домах на все эти хлопоты не обращали внимания, а вот в семьях простых людей, где не было слуг, всё приходилось делать своими руками. Одно лишь купание отнимало уйму времени и сил.

В памяти Лин Сина сохранилось, что полноценно он мылся всего один раз - перед свадьбой. Потом же он лишь обтирался в комнате сам, промёрзнув до дрожи.

— Тогда договорились, — сказала Сюй Юфан. — Завтра мы с твоей четвёртой невесткой сначала вымоем детей, а воду оставим тебе. Потом позовём Сяо У, пусть постоит у двери и постережёт.

Главное, что можно будет помыться. Лин Син был полностью согласен с таким порядком и несколько раз кивнул.

На следующий день посетители, пришедшие к прилавку с баоцзы с керамическими мисками за лянфэном, остались ни с чем - любимого лакомства больше не продавали. Хозяин прилавка отказался от продажи. Многие расспрашивали о причине. Лин Син не стал вдаваться в подробности и сказал лишь, что рецепт он продал, и вскоре в городе появятся другие люди, которые будут торговать лянфэном. Узнав, что позже его всё равно можно будет купить, посетители немного посетовали и на этом успокоились. По крайней мере, лянфэн не исчез совсем, его ещё можно будет попробовать.

Зато сегодня появился новый товар, и Лин Син, как обычно, устроил дегустацию. Те, кому не удалось купить лянфэн, охотно пробовали новинку - фагао. Сначала все думали, что он будет

похож на обычный маньтоу, но стоило откусить, и их ждал сюрприз: нежный, мягкий вкус с отчётливой сладостью.

Простым людям не хватало мяса и жира, и сахара тоже не хватало. Эта штука была безумно дорогой: за цзинь просили больше сотни вэнь. Без хоть какого-то достатка на такое и не замахнёшься. К тому же сладкое - не то, чем наедаешься. Это еда «для вкуса», не первой необходимости, так что от неё старались отказаться в первую очередь.

А вот фагао, который они сейчас попробовали, оказался совсем другим - сладкий и сытный одновременно. Съешь такой, и в животе сразу становится спокойно, ни капли не жалеешь о потраченных деньгах.

— А почём у тебя этот фагао? — заинтересованно спросил один из покупателей.

Лин Син заранее прикинул себестоимость: на четыре цзиня фагао все расходы составили сто двадцать два вэня. Продавал он по весу - по пять вэнь за лян. Если распродать всё до конца, чистая прибыль выходила семьдесят восемь вэнь. Не так уж много, но цену поднимать было нельзя. Подними ещё, и покупателей не станет.

Один лян фагао был чуть меньше по размеру, чем баоцзы, но плотный, увесистый. Тут и красные финики, и хорошая мука, и сахар - так что на вэнь дороже обычного маньтоу он стоил вполне оправданно. Главное, продукты использовались хорошие, да и размер был подходящий, так что покупателей оказалось немало. Большинство брали по одному лян попробовать на вкус, но находились и те, кто не стеснялся в деньгах и покупал по три-четыре лян, чтобы наесться как следует.

Фагао расходился не так быстро, как лянфэн, в первую очередь из-за цены. Но вкус у него был отменный, текстура удачная - и к моменту, когда через два часа пришло время сворачивать прилавок, всё было распродано без остатка.

Оценив покупательскую способность жителей окрестностей улицы Танфэн, Лин Син прикинул, что четыре цзиня фагао в день будут расходиться без проблем. В дальнейшем он решил закупать ингредиенты именно под такой объём.

Собрав прилавок, Лин Син и Шэнь Хуэй по пути домой зашли в игорный дом. Они передали портреты охраннику у входа и объяснили, по какому делу пришли. Тот внимательно осмотрел изображения, убедился, что всё в порядке, велел им подождать и отправил одного из людей внутрь. Вскоре тот вернулся с ответом - Восьмой господин всё понял.

На обратном пути Лин Син был заметно воодушевлён. Поиски Лин Юэ снова сдвинулись с мёртвой точки. Чувства, оставшиеся у него от прежнего хозяина этого тела, по-видимому, так и не исчезли окончательно: осознание того, что шанс найти брата стал ещё выше, делало шаги Лин Сина лёгкими и быстрыми, будто земля под ногами стала мягче.

От радости он не заметил дороги и споткнулся о чуть выступающий из земли корень молодого дерева. Шэнь Хуэй среагировал мгновенно - дёрнул ветку и рывком притянул человека к себе, чтобы тот хотя бы не упал лицом в землю.

Лин Син со всего размаха врезался в его грудь.

— Сс...

С губ сорвался сдавленный болезненный выдох.

Ещё мгновение назад Лин Син радовался, что не ударился о землю, а в следующую секунду в голове загудело так, будто по ней ударили колоколом. Он зажал рот и нос руками и тут же присел на корточки - боль была такой, что из глаз непроизвольно потекли слёзы.

Удар вышел слишком сильным. В груди у Шэнь Хуэя тоже отозвалось болью, по всему было видно, что Лин Син пострадал серьёзно. Он присел рядом и тихо спросил:

— Что случилось?

Лин Син не смог ответить. Он прикусил язык.

Крупные слёзы одна за другой скатывались вниз. Видя их, Шэнь Хуэй испугался - вдруг Лин Син повредил зубы? Если зуб сломан, новый уже не вырастет.

Тревога взяла верх, и Шэнь Хуэй перестал думать о приличиях. Он осторожно перехватил Лин Сина за запястье.

— Открой рот, — сказал он. — Дай посмотреть, зубы целы?

У Лин Сина онемело во рту. Появился слабый металлический привкус крови, губы начали распухать, кончик языка жгло, а слюна бесконтрольно набиралась во рту. Зубы тупо ныли, но по сравнению с остальной болью это было вполне терпимо.

И всё же Лин Син волновался, вдруг с зубами что-то случилось? Здесь ведь не было ни стоматологов, ни возможности лечить зубы.

Зеркала под рукой не оказалось, сам он не мог разглядеть, что происходит во рту, поэтому мог только послушно сделать так, как сказал Шэнь Хуэй, и позволить ему осмотреть повреждения.

Лин Син послушно открыл рот. Ресницы слиплись от слёз, глаза покраснели. Губы едва заметно дрожали, слова сбивались, в голосе звучала плачущая нотка:

— Эр-лан... у меня... во рту... там... порвалось? С зубами... с зубами всё... в порядке?

Говоря это, он чуть пошевелил языком, чтобы Шэнь Хуэю было удобнее рассмотреть, где именно он поранился. Кончик языка слегка приподнялся, и в следующий миг половину лица Лин Сина резко накрыла большая ладонь.

— Мм!

Он на мгновение растерялся, широко распахнув влажные от слёз глаза и с недоумением глядя на Шэнь Хуэя. Лин Син почувствовал, что рука, закрывающая ему рот, едва заметно дрожит. Он уже собирался спросить, зачем тот вдруг закрыл ему рот, как в следующий миг, словно вспышкой, его осенило: под языком у него пряталась метка фертильности.

<http://bllate.org/book/13938/1323180>